

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

ON
AIR

ТАЙНА ЗОЛОТОЙ САБЛИ

ДЕТЕКТИВ

Светлана Сервилина

Тайна золотой сабли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611916

ISBN 9785448538377

Аннотация

Веселая деревенская свадьба была омрачена убийством одного из гостей. Кто же посмел задушить и обворовать своего земляка? И откуда у него оказалось фронтовое письмо, бесследно исчезнувшее во время Великой Отечественной войны вместе с драгоценностями и легендарной Георгиевской саблей? Какое отношение ко всему произошедшему имеет местный юродивый? Журналистка Юлия Симонова решает разобраться в таинственном преступлении, а заодно и найти фамильные реликвии.

Содержание

1. Честным пирком да за свадебку	10
2. Как не ликовать, а беды не миновать	30
3. Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь	46
4. Был бы конь, а уздечка найдется	61
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Тайна золотой сабли

Светлана Сервилина

Дизайнер обложки Николай Красненко

© Светлана Сервилина, 2019

© Николай Красненко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-3837-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

Посвящаю своей дочери Юлии.

Нельзя пронести через толпу факел

Правды, не опалив никому бороды.

Немецкий ученый и публицист

Г. Лихтенберг

Ноябрь 1942 г.

Дверь с шумом распахнулась, впуская в избу колючий морозный воздух, и на деревянном пороге появилась соседская дочь. Ей было пятнадцать лет, возраст, когда гадкий утенок стремительно превращается в прекрасного лебедя. Вид у гостыи был испуганный. Платок съехал в сторону, обнажив правое ухо с изящной золотой сережкой, старенькое пальтишко с цигейковым воротником было застегнуто только на одну пуговицу.

– Ты чего, как с пожара? – удивилась женщина, глянув на нее поверх очков и отложив в сторону вязание.

– Тетя Маруся, по грейдеру подводы шли с ранеными, – девушка с шумом выдохнула и перевела дыхание, – так вот, военные дядьки сказали, что не сегодня – завтра фашисты займут Сталинград и сразу сюда попрут! Да-да, тетя Маруся, говорю вам слово в слово! – поспешно добавила она, заметив недоверчивый взгляд.

– Не может этого быть, – Мария резко встала и растерянно оглядела комнату, – по радио говорили, что к Волге немца не пустят! Ты, Зинаида, вот что, – она на минуту задумалась, – сбегай-ка в школу и позови Татьяну. Скажи, мол, пусть быстрее домой возвращается. И своих учеников пусть отпустит по домам. Не до уроков теперь!

– Хорошо, тетя Маруся, – девушка махнула рукой и повернулась к двери, – тогда я побежала!

Оставшись одна, Мария подошла к комоду и открыла нижний скрипучий ящик. Она протянула натруженные руки крестьянки и бережно достала стопки фронтowych писем, перевязанных ленточками. Одни были от сына Лёши, а большая часть – от зятя Тимофея. Ее дочь Татьяна, окончив педагогическое училище, вышла замуж за неделю до начала войны.

– Ах, вы мои сердешные, – покачала головой женщина, – не успели пожить да порадоваться, налюбовиться и ребятишек завести. Война, подлая, разбросала наших детей.

Она пошарила рукой в сундуке, аккуратно приоткрыв тяжелую крышку, и вытащила старую наволочку. Раскрыв ее, положила все зачитанные треугольники писем внутрь и обвела комнату долгим взглядом. На стене висела сабля с позолоченной рукояткой. Она сняла ее с крючка и оглянулась на скрип открывающейся двери.

– Мама, что случилось? – Татьяна испуганно кинулась к Марии. – Зинка прибежала, как угорелая, с уроков меня сорвала...

– Говорят, «наши» сдают Сталинград, – женщина обняла запыхавшуюся дочь, – а в сельсовете предупреждали, что при необходимости надо все письма с фронта сжечь и спрятать оружие.

– Мама, я письма Тимофея не дам жечь! – она посмотрела

на пол, где лежала раскрытая наволочка.

– А мы их спрячем, дочка, – грустно улыбнулась мать, с искренним трепетом проведя пальцем по изящной гравировке на эфесе сабли: «За храбрость», – и шашку твоего отца тоже.

– А куда спрячем? – растерянно проговорила девушка, блуждая взглядом по комнате.

– Думаю надо вырыть яму за домом и туда все сложить. А немец уйдет, мы и достанем все в целости и сохранности.

– А если не уйдет?

– Что ты говоришь, милая! Даже не думай так! Разве есть такая сила, чтобы русских на колени поставить? Разве наши мальчишки зря воюют и кровь свою проливают, а?

Таня обняла расстроенную мать.

– Мама, прости, – девушка вздохнула.

– Ниче-ниче, – Мария ласково похлопала Татьяну по спине.

– Я тогда возьму в подвале лопату и пойду рыть яму, – махнула рукой взрослая дочь.

– Что ты, милая, – женщина покачала головой, – земля уже мерзлая! Тебе одной не справиться. Ты Петьку позови!

– Фуф, он как банный лист пристанет, потом от него не отделаешься, – засмеялась девушка, – прилипчивый он какой-то!

– Да он любит тебя с самого детства, – усмехнулась мать, – вот и крутится всегда рядом, как собачонка.

– Вот именно, что как собачонка! Никакой гордости нет!

– Ты его не обижай, он все-таки хворый...

– Хворый, – с иронией повторила Таня, – подумаешь, в детстве ногу сломал и хромает теперь. Зато на войну не взяли! Наши-то мальчишки с врагом бьются, а он, комиссованный, теперь первый парень на деревне, – она заглянула в открытый ящик и осуждающе повторила, – хворый.

– Ну он же наш сосед, ему можно доверить такое дело. Иди, Таня, попроси его помочь выкопать яму.

– Ты все письма сложила?

– Все-все, не волнуйся!

– Ну ладно, – девушка улыбнулась, – пойду за Петькой!

1. Честным пирком да за свадебку

Июнь 2003 г.

Юля Симонова любила деревенские свадьбы. Было в них что-то настоящее, то ли от изобилия вкусных домашних угощений – свежих и незамысловатых, то ли от хорового, порой нескладного, пения нетрезвых гостей, то ли от тостов, вызывающих искренний смех или, наоборот, слезы. Поэтому, когда мама сказала, что их сельские родственники пригласили на свадьбу, она сразу согласилась. Поехали всей семьей: мама, Юля с дочерью Мартой и Андрей, выполняющий по совместительству обязанности мужа и водителя. Андрей Осипов, с которым она познакомилась полтора года назад во время расследования убийства на телестудии главного режиссера, переехал к ней жить прошлой зимой. Их союз не был скреплен печатью ЗАГСа, поэтому он был мужем, но лишь гражданским. Ах, как Юля не любила это выражение «гражданский муж»! Было в нем такое явное противоречие и какая-то нечестность. Во-первых, понятия такого нет ни в законах страны, ни в юридических документах. А во-вторых, если мужчина любит, то почему не сделает предложение руки и сердца, как бы это старомодно не звучало, и не станет настоящим, официальным? На самом деле пребывание Андрея в этой роли ее не смущало, просто она не называла его

мужем, ни в глаза, ни за глаза. Она и сама была не уверена, что он и есть тот самый единственный, с которым она хотела бы встретить старость. Юля любила Андрея, но с самого начала их отношений она забыла надеть «розовые очки», как это бывало раньше. Ее чувства к майору уголовного розыска Осипову были ровные и постоянные. Она знала, что он – порядочный и надежный человек, но порой ей не хватало какой-то безумной романтики и остроты.

«А может быть, пора стать серьезней и отбросить фантазии о прекрасном принце?» – думала она, искренне считая, что семейная жизнь должна быть размеренной и спокойной, без взрывов бытовых скандалов, приступов необоснованной ревности и взаимных обвинений.

Приехали в село Залиманское к обеду. Из деревянных ворот на сигнал их автомобиля тут же вышла Анна Васильевна, или как ее все называли в селе – тетя Нюся, на ходу вытирая застиранным фартуком свои большие натруженные руки. Кожа на её скуластом обветренном лице была загорелая, и лишь в глубоких складках морщин оставалась нежно-розовой. А глаза у неё всегда были добрые, с неизменными озорными искорками, несмотря на то, что ей уже «стукнуло за семьдесят», как она сама обычно повторяла.

– Ах, какие гости дорогие к нам прибыли! Добро пожаловать! Люсенька, Люляша, Марточка, – начала перечислять она городских родственниц на свой лад, – здравствуйте, красавицы вы мои!

Людмила Алексеевна бодро выскочила из машины, будто было ей двадцать, а не пятьдесят шесть лет, и обняла свою «няню». Именно так она называла любимую тетушку с самого детства. Анна была младшей сестрой её матери, и до первого класса оставалась бессменной воспитательницей маленькой Люси. Марта с любопытством оглядывалась по сторонам, впервые приехав на родину своей бабушки, а Юля подошла к Андрею и шутливо подтолкнула его к воротам:

– Иди знакомься, – улыбнулась она.

Тетя Нюся всех по очереди поцеловала.

– А Сергея Александровича чего же не привезли? – спросила она у племянницы про её мужа.

– Ему ещё тяжело передвигаться, – вздохнула гостя, – он только по квартире ходит, опираясь на клюку.

– Да, инсульт, это не шутка, – согласилась тетя Нюся и, махнув рукой в сторону дома, предложила:

– Идите, молодежь, в дом! Отдохните после дороги. А то, может, баньку истопить? Хотите попариться?

– Няня, ты не беспокойся. Мы дома помылись, – кивнула Людмила, – а вот отдохнуть и подготовиться к свадебному пиршеству надо.

– Ты, Люся, не командуй! Не у себя в школе! – засмеялась хозяйка. – А, может, молодые захотят помыться!

– Спасибо, тетя Нюся, – улыбнулась Юля, – мы лучше сейчас прогуляемся к Волге. А потом вернемся, переоденемся

и – на свадьбу, – Марта, ты с нами? – спросила она у дочери.

– Нет, я останусь с бабулей, – девочка прижалась к Людмиле, которая направилась вместе с внучкой в дом.

Андрей и Юля, выше обычного поднимая ноги, чтобы не зачерпнуть в обувь мелкий желтый песок, пошли к берегу.

– Андрюшка, посмотри, красота-то какая! – раскинув руки в разные стороны, негромко воскликнула молодая женщина, почувствовав всем телом легкий ветерок у воды.

После весеннего половодья Волга еще не совсем вернулась в свои берега. Солнце стояло высоко, окрашивая золотом гребни волн. Даже издали было заметно, что у реки сильное течение, которое изредка выбрасывало на берег ветки деревьев, палки и какой-то мусор. Сидящие поодаль местные мальчишки с самодельными удочками с интересом посмотрели на приезжих.

– Да, хорошо здесь, – улыбнулся Осипов и, быстро сняв футболку, сказал, – я сейчас искупаюсь!

Юля пожала плечами, а рыбачок крикнул:

– Дяденька, здесь нырять нельзя, здесь – яма!

– Андрей, не надо рисковать, – покачала головой Юля, – ребята знают дно. А Волга в этих местах коварная, в ямах у берега часто бывают воронки. Затянет, не успеешь оглянуться!

– Тогда пойдем по берегу подальше. Сегодня так жарко. Я все равно искупаюсь, не везде же ямы!

Они вернулись через час и, «нагуляв» аппетит, уселись

за стол, с удовольствием отведав местную «жареху»: в большой чугунной сковороде, зажаренный до румяной корочки судак с картошкой, спелыми помидорами и луком.

А еще через пару часов вся компания уже подходила к свадебному шатру, который представлял собой временную деревянную постройку в виде большого сарая без двери. Все это строилось прямо на улице, поэтому все любопытные имели возможность рассмотреть не только гостей, но и угощения, чтобы потом всё это обсуждать, грызя семечки на скамейке у дома. Свадьба в селе – это событие, поэтому задолго до начала, шатер облепила местная детвора. Мальчишки в выгоревших на солнце футболках заглядывали во внутрь, жадно рассматривая праздничные блюда. На стенах шатра висели разномастные ковры, а под ними – сбитые из досок столы в виде буквы «П», вдоль которых расположили такие же самодельные лавочки, покрытые само ткаными «дорожками». Прямо напротив входа сидели молодожены, раскрасневшийся парень в черном костюме с белой искусственной тряпочной розочкой на узком лацкане пиджака и невеста в кремовом гипюровом платье и замысловатой диадемой в рыжеватых волосах, к которой была прикреплена пышная фата. Девушка была пухленькая с курносым носиком, на котором проступали сквозь слой пудры веснушки.

Вновь прибывшую компанию усадили за стол, поближе к «молодым».

– А кем тебе доводится невеста? – шепотом поинтересо-

вался Андрей.

– Настя – дочь маминой двоюродной сестры Ирины, – тоже тихо ответила Юля, – но, я её не видела лет десять.

– Значит, вы с ней – троюродные сестры, – тут же сообразил Осипов и улыбнулся, – она на тебя не похожа!

Юлия иронично посмотрела на собеседника и хмыкнула. Всем своим видом она показала, что сравнение неуместно.

– Из тебя получится шикарная невеста, – не обращая внимания на ее иронию, проговорил Андрей и спросил, – а ты на нашу свадьбу тоже напялишь фату?

Симонова шутливо сделала «руки в боки», но настроение у нее поднялось. Любой женщине приятно, когда мужчина, пусть даже мимоходом, намекает о своих серьезных намерениях.

– А тебе бумажную розочку приколем к пиджаку? – тут же парировала она.

Пока они вели столь непринужденную беседу, к Людмиле Алексеевне то и дело подходили какие-то незнакомые люди, обнимали ее и, кивая в сторону Юли, приговаривали:

– Дочка у тебя, Люся, совсем взрослая!

Женщина начала фразу:

– Да ей уже, – но Юля шутливо показала матери кулак, и та весело закончила, – не восемнадцать!

После трогательных речей родителей молодоженов, начались «дары». Все гости выстроились в очередь к центральному столу, за которым сидели виновники торжества и, после

произношения тоста, брали фужеры с шампанским, выпивали, клали подарки на поднос (чаще всего, это были конверты с деньгами) и с чувством выполненного долга, возвращались на свои места.

Когда начались танцы, Марта потянулась к уху своей мамы и шепнула:

– Мне надоело сидеть. Пойдем танцевать!

Юлия кивнула и осторожно вылезла из-за стола, пригласив жестом и Андрея. Все трое сразу влились в кружок плясунов в центре шатра. Неожиданно Юлия почувствовала, что её сзади кто-то обнял. Она вздрогнула и, резко оглянувшись, увидела сухопарого мужчину.

– Что же, племянница, не узнаешь меня? – весело спросил тот.

– Дядя Иван, это вы? – губы молодой женщины произвольно расплылись в улыбке.

– Точно! – все также радостно продолжил он, вытаскивая из кармана пиджака носовой платок. Он протер им лоб и шею. – А я тебя не сразу узнал! Если бы Люся не подсказала, ни за что бы не нашел!

– Я так изменилась? – кокетливо спросила она.

– Ты похорошела, – доброжелательно подмигнул он, – в последний раз видел тебя, – на мгновение он задумался, – слушай, давно же это было! Помню, пришел к вам попрощаться перед очередным отъездом на Север, а ты на занятия в институт спешила. А теперь, – он раскинул руки, – такая

леди!

– Дядь Вань, – попросту обратилась к родственнику Юля, – а вы на Севере так и живете до сих пор?

– Уже нет, – живо ответил он, – отпахал я, Юлька, в Якутии двадцать лет! Вот заработал «северную» пенсию, и решил – хватит. Все, баста! Вернулся сюда, в родные пенаты. Собираюсь дом здесь купить и зажить по-человечески хоть напоследок. А то полжизни по сугробам протопал. А теперь, – он махнул рукой, – буду на солнышке нежиться, на Волгу купаться ходить, с удочкой на берегу сидеть! Красота!

Музыка давно закончилась, все танцующие разошлись, кроме Марты, которая с любопытством рассматривала незнакомого пожилого мужчину.

– А это что за голубоглазая дивчина? – он посмотрел на девочку и кивнул Юле. – Неужели дочка?

– Да, это моя дочь Марта.

– А муж? – опять улыбнулся мужчина и кивнул в сторону выхода. – Тот красавец, который пошел курить за шатер?

– Ну да, – неуверенно согласилась племянница, не желая вдаваться в подробности ее отношений с Андреем.

Опять заиграла громкая музыка, и гости суетливо стали выходить из-за столов, неловко подталкивая друг друга.

– Нам тут не дадут поговорить, – сказал мужчина, – пойдем к матери твоей! – кивнул он в сторону Людмилы, живо разговаривающей с очередной родственницей.

Марта осталась танцевать с новыми знакомыми, а дядя с племянницей отправились на свои места за столом. Не успела Юля удобно усесться, как в сумочке требовательно зазвонил телефон.

– Слушаю, – крикнула она, прижав трубку к самому уху.

Звонил с телестудии оператор Виктор Николаев.

– Юль, тут шабашка появилась, – с ходу сообщил он, – рекламный ролик салону красоты надо сделать. Ты как, готова завтра поработать?

– Ой, Вить, я все выходные на свадьбе буду. Это далеко, в селе Залиманское, – с сожалением ответила она сотруднику и добавила, – почти шестьдесят километров от города! Обидно, – добавила Юля, имея в виду, что упустит возможность заработать «левый» гонорар.

– Ну ладно, я что-нибудь придумаю, – ответил тот, – гуляй! Постараюсь перенести съемку!

– Спасибо, друг! – засмеялась она и нажала на клавишу «Отбой».

– А я себе такой же купил, – кивнув на мобильник, похвастался дядя Ваня, – только пока не разобрался.

– Тогда надо обменяться номерами, – улыбнулась Юля.

– Непременно. А ты кем работаешь? – поинтересовался он, потягиваясь за графином с желтоватой жидкостью.

– На телевидении журналистом – ответила Юля, наблюдая, как он наливает себе в рюмку напитков.

– Молодец! Получается, один я у нас в семье неуч, так ин-

ститут и не закончил. Мать – учительница, сестра – тоже, – он кивнул на Людмилу, – даже директор школы, а я... Вот такие пироги, да еще с котятами, – добавил он свою любимую поговорку и тут же предложил племяннице. – Будешь самогонку?

– Нет, – засмеялась она, – я такое не употребляю.

– Да ты че? Это же первачок! – мужчина показал вверх большой палец. – Чистейший, как слеза! Что же, за встречу со своим дядькой не выпьешь?

– Ну налей мне немного вина.

– А мне самогона, – раздался рядом веселый голос Андрея.

– Вот уважаю, – дядя Ваня привстал, подавая руку Осипову, – Иван Харитонович, – серьезно сказал он, – а можно, просто Иван, мы же теперь родственники!

Андрей тоже представился и, чокнувшись с новым знакомым хрустальной рюмкой, залпом выпил все содержимое.

– Так вы, ребята, вместе работаете? – откусив половину хрустящего огурца, спросил дядька.

– Нет, – Осипов помахал ладонью у рта и с шумом выдохнул воздух, – отменный самогон!

Он тоже потянулся за закуской.

– Андрей работает в уголовном розыске, – пояснила Юля.

– Да ты что, – Иван даже брови поднял от удивления, – так мне вас, родственнички, сам бог послал!

– А что у вас случилось? – деловито спросил Андрей, про-

жевявая бутерброд с колбасой.

– Да, – тот безнадежно махнул рукой, – старая история. Зашел я недавно к одному знакомому и обнаружил давнишнюю пропажу. Да такую, что и отыскать уже не надеялись! Однако, сейчас не время обсуждать такие серьезные вещи. Поэтому, давайте, ребятки, я к вам завтра зайду! Вы у кого ночевать будете? Наверное, у тети Нюси?

– Да, у неё, – кивнула Юля.

– Ну вот и славненько. Я к вам и заскочу ближе к обеду. Как просплюсь, – подмигнул он.

Домой к няне Людмилы возвращались далеко за полночь, слаженно распевая песни всей компанией.

– Бабуль, а ты видела на улице сумасшедшего с рулем? – вдруг спросила Марта в паузе между песнопением.

– Какого сумасшедшего? – переспросила та и в задумчивости сдвинула брови к переносице.

– А, это она про Павлушу говорит, – махнула рукой тетя Нюся и засмеялась, – он у нас один такой на все село.

– Павлушу? – Юля внезапно остановилась и посмотрела на свою мать. – Мам, это ты про него рассказывала мне в детстве?

– Да, – Людмила вздохнула, – про него. Вихляевы жили на нашей улице. Дружная была семья, пока к ним в дом беда не пришла...

– Давно ты уехала, Люся, из Залиманского, а всех пом-

нишь, – искренне удивилась няня.

– Этот случай врезался мне в память, – женщина покачала головой, – а Пашка такой занятный был, учился в классе лучше всех...

– Бабуля, расскажи про него, – попросила Марта.

Тем временем уже подошли к дому тетушки. Людмила села на скамейку под домом, Марта устроилась рядом, прижавшись к бабушке. Юлия и тетя Нюся тоже расположились на лавочке. Андрей встал поодаль и закурил.

– У Вихляевых было трое детей: дочь и два сына. Павлик у них был самый маленький. Их мама, тетя Вера, работала в аптеке. Помню, моя бабушка Маруся брала нас с Ваней (с которым вы сегодня болтали весь вечер), – она посмотрела на Юлю и Андрея, – и мы сопровождали её сначала в магазин, а потом все вместе заходили в аптеку. Там она нам покупала по батончику гематогена у тети Веры. Какое же это было лакомство для детей в пятидесятые годы!

– Это, как Сникерс? – спросила Марта.

– Это бычья кровь, – по-доброму усмехнулась Людмила.

– Бабуля, ты ела кровь? – поморщилась девочка.

– Я тоже в детстве ела гематоген, – пожалала плечами Юля.

– И я, – весело отозвался из темноты Андрей.

– А дальше что было? – зевнув, проговорила внучка.

– Жили они по тем временам в большом достатке, дядя Егор даже машину купил, «Запорожец», – уточнила Людмила и усмехнулась своим воспоминаниям, – помню, в первый

день всех детей с нашей улицы покатал на своем «горбатом». А через пару месяцев ехал дядя Егор на машине со всеми детьми по дороге, а навстречу – экскаватор. И надо же было такому случиться, что у этого экскаватора ковш сорвался с крепления и на скорости снес верх у «Запорожца» Вихляевых. Погибли все, кроме Паши. У него развязался шнурок на ботинке, и он наклонился, чтобы завязать его как раз в тот самый момент, когда этот ковш с размаху снес крышу у машины, пролетев над Пашкиной головой.

– Говорят, какая-то железяка отлетела и сильно ударила его по голове, – подсказала Анна Васильевна.

– Да, у него было сотрясение мозга. А когда Павлик пришел в себя, увидел разрезанных брата, сестру и отца. Вот после этого он стал, – Людмила запнулась, – ненормальным...

– Да, что мальчишечка пережил, от такого любой бы тронулся, – подтвердила тетя Нюся, – ему тогда было лет восемь или девять...

– Поэтому он с рулем бегаёт? – спросила Марта.

Женщина прижала к себе внучку.

– Может быть, он мысленно сворачивает от того экскаватора, чтобы своих близких спасти.

– Все его называют дурачком, – опять подала голос старушка, – но он все понимает. Никогда никого не обидит.

На следующий день проснулась Юля поздно. Оглядев-шись вокруг, поняла, что в доме никого нет. Зато за окном бурлила деревенская жизнь. Через открытую форточку было

слышно мычание теленка, кудахтанье кур и звонкий голос тети Нюси. Юля потянулась и выскользнула из-под махровой простыни, которой они укрывались ночью. Быстро натянув на себя футболку и шорты, она вышла на крыльцо. Несмотря на утро, июньское солнце уже нещадно палило. Во дворе никого не было. Юля спустилась по ступенькам и открыла дверь в летнюю кухню. За столом сидели мама с тетей Нюсей.

– Доброе утро, – улыбнулась молодая женщина и, оглядев комнату, служившую кухней и столовой одновременно, со старомодным диваном и плюшевым ковром с оленями над ним, спросила, – а где Марта и Андрей?

– В магазин пошли твои, – приветливо ответила хозяйка и тут же предложила, – садись с нами чай пить!

– С удовольствием, – Юля усмехнулась, – после вчерашнего застолья у меня во рту что-то сухо.

– Да, мой брательник весь вечер тебе вино подливал, – засмеялась мама, – я хотела даже его отругать. Нечего спаивать моего ребенка!

– Кстати, а он еще не приходил? – поинтересовалась Юля.

– Кто? Ванька? – спросила тетя Нюся, суетясь у самовара. Она налила в чашку заварку, потом добавила кипяток и с улыбкой посмотрела на гостью.

– Будешь с сахаром или вареньем?

– Мне и то и другое, – засмеялась Юля, – я – сладкоежка! Тетя Нюся махнула рукой.

– А твой дядя Ваня, наверное, еще спит, как сурок. Вчера,

когда все расходились из шатра, он едва на ногах стоял!

– А когда сегодня пойдём на свадьбу? – Людмила Алексеевна посмотрела на свою «няню».

– Обычно на второй день собираются к двум. Но те, у которых душа горит, – старушка покачала головой, – те и пораньше приходят, чтоб опохмелиться. Может, Иван уже там.

Дверь открылась, и в кухню вошли Марта и Андрей, в руках которого была картонная коробка, перевязанная толстой бечевкой.

– А мы торт купили, – радостно сообщила девочка.

– Друзья, вы накой деньги тратили? – удивилась хозяйка. – Мы же скоро на свадьбу пойдём! А кто его есть будет?

– Как давно я не слышала родной залиманский диалект, – улыбнулась Людмила и, обращаясь к внучке, спросила, – Мартусь, а ты знаешь, что означает слово «накой»?

– Бабуль, ты думаешь, я не догадалась? – девочка сделала смешную обиженную гримасу. – Означает «зачем».

– Верно, – довольно кивнула учительница русского языка, – а вот «жаровня», как думаешь, что это?

Марта посмотрела на Андрея и свою маму, надеясь на подсказку.

Мужчина развел руки и улыбнулся.

– Наверное, сковородка? – предположил он.

– Нет, – засмеялась тетя Нюся, – это вон он, – она махнула рукой в сторону угла рядом с дверью, – совок!

– Раньше им вытаскивали горячие угли из печки, поэтому

совок получил такое название, – с улыбкой пояснила Людмила.

– А рундук это что, по-вашему? – включилась в игру хозяйка.

– Я знаю! – Юлия подняла руку, как на уроке в школе.

– Молчи, – шутливо погрозила ей пальцем мать, – пусть Андрей и Марта догадаются!

– Рундук – сундук, – хихикнула девочка.

– Я думаю, что происхождение тюркское, – Осипов задумался, – а еще ассоциируется со словом «рында», – он пожал плечами, – но так как моря здесь нет... Я сдаюсь! – улыбнулся он.

– Ты почти угадал, – Людмила Алексеевна кивнула, – и ты, Марта, тоже шла в правильном направлении. У некоторых народов рундуком, действительно, называют ящики для хранения одежды, по типу сундуков. А Андрей сделал верный вывод: слово тюркское, и на кораблях рундук использовался так же, как сундук. Но в Залиманском так называют крыльцо. А почему, по-моему, никто не знает.

Все рассмеялись.

– Действительно, интересно, – Андрей отхлебнул у Юли из чашки, – ну что, пойдем собираться?

Уже в доме, застегивая на пуговицы рубашку, он спросил у подруги:

– А у вашей тети Нюси нет детей?

– Ну что ты! Есть, конечно! Ее младшая дочь Галина с му-

жем Геннадием вчера была на свадьбе. Помнишь, к нам подходила такая высокая темноволосая дама в красном платье?

Андрей замотал головой.

– Вчера к нам столько народу подходило, что я вообще никого не запомнил, – засмеялся он.

– А еще у тети Нюси два сына. Но они давно женились и живут далеко, где-то в средней полосе. Я, если честно, даже не помню, где точно. А с Галей мы в детстве играли, когда я у бабушки Зины на школьных каникулах была. Она меня опекала, – Юля улыбнулась воспоминаниям, – они иногда приезжают к моим родителям. И тетя Нюся, и ее дочь с мужем.

Когда пришли в шатер, народ уже веселился. Громко играла зажигательная музыка. На столах, как по щучьему велению, опять стояли салатницы и блюда с угощениями. В углу две женщины разливали в пиалы горячий бульон из большой эмалированной кастрюли. Вчерашние невеста с женихом были одеты по-простому: джинсы и яркие модные футболки. Они ничем не выделялись из толпы гостей. С Юлей и Андреем все здоровались, как со старыми знакомыми, дружески похлопывая по плечу.

– А дяди Вани нет, – садясь на свое место и оглядываясь по сторонам, тихо сказала Юля.

– Не очухался поди, – махнула рукой тетя Нюся, подкладывая себе в тарелку закуску.

– А где он живет? – не унималась журналистка.

– Пока у Галины моей, – тут же отозвалась старушка, – они же с Геннадием новый дом построили, а старый пустовал. Вот Иван там пока и поселился. Ты же, кажись, ходила к ней как-то, помнишь? Недалеко от сельмага.

– Помню, это было лет десять назад, – ответила Юля и, повернувшись к Андрею, предложила, – давай сходим и проведем его!

– Да придет он сам, куда денется, – к ним подошла пышнотелая женщина «ягодного возраста» в пестром платье и, что-то жуя, бесцеремонно вступила в разговор.

– Вот и Ирина, красавица моя, – тетя Нюся протянула руки для объятий, но «красавица» лишь холодно чмокнула её в щеку.

– Как вам свадьба? – спросила она у всех, разглядывая Андрея.

– Ты, племяша, молодец! – похвалила её Анна Васильевна. – Дочку выдала по всем законам! Вон, какое пиршество, – она раскинула руки над столом, – чего только нет!

Пока родственницы разговаривали, Юля взяла свою сумочку и незаметно кивнула Андрею:

– Вдруг дядя Ваня заболел?

– Как мой зять говорит: «Птичья болезнь у него! ПЕРЕпел», – поправляя бусы на груди, засмеялась Ирина, – нечего пить было вчера, как будто последний раз в жизни.

А тетя Нюся безнадежно махнула рукой:

– Эх, мужики...

– Чтобы ты не волновалась, давай прогуляемся к нему, – Осипов наклонился к Юлиному уху.

Пройдя от шатра несколько метров, они увидели странного мужичка. Он неспешно бежал босиком в довольно изношенной одежде и большой широкополой соломенной шляпе. В руках он крутил обычный руль от машины и издавал странные звуки, как маленький ребенок в песочнице, изображая шум заводящегося автомобиля:

– Джи, джи, трых-тых-тых!

– Ой, – Юля по инерции прижалась к Андрею, – это же Павлуша! Помнишь, мама вчера рассказывала?

Осипов кивнул, поглядывая на незнакомца:

– Конечно!

Тем временем юродивый, приблизившись к ним, «просигналил»:

– Пи-пиб!

А потом, лихо «проезжая» мимо городской парочки, будто никого не замечая, весело крикнул:

– Сбил-сколотил: вот колесо. Сел да поехал, ах хорошо!

Журналистка посмотрела ему вслед и задумчиво проговорила:

– Как его жалко...

Двор Галины нашли быстро. Он был достаточно запущен, чувствовалось, что хозяева давно уехали отсюда, лишь протоптанная тропинка к деревянному дому обозначала человеческое присутствие. Юля деликатно постучала в дверь,

но никто не ответил.

– Дядя Ваня! – крикнула она, открывая её.

В доме было прохладно и темно. Андрей вслепую нащупал на стене выключатель и нажал на клавишу.

2. Как не ликовать, а беды не миновать

В коридоре был беспорядок. Так бывает, когда люди поспешно покидают обжитое место. Старая обувь валялась хаотично, самотканый половичок задран, на вешалке одиноко висела потертая кепка. Все зеркала старенького трельяжа были пыльные, а на тумбочке валялась расческа с поломанными зубцами. Андрей вошел в комнату и поморщился от того, как противно заскрипели под его ногами доски.

– Иван Харитонович! – на всякий случай звонко позвал он и замер в дверном проеме.

– Дядя Ваня, ты здесь? – спросила Юля и тоже остановилась в нерешительности рядом.

На старом диване у окна лежал мужчина. В первый момент она подумала, что он спит. Голова его была склонена набок, рот приоткрыт, а правая рука свисала вниз. Но потом племянница увидела открытые глаза своего родственника и все поняла. Юля интуитивно закрыла ладонью рот, будто сдерживая крик, и медленно перевела взгляд на Осипова. Андрей подошел к лежащему мужчине и приложил пальцы к его шее, потом достал из кармана телефон и позвонил в скорую и милицию.

Молчавшая все это время Юля спросила:

– Как ты думаешь, отчего он умер? Сердце, да?

Тот покачал головой и вздохнул:

– Скорее всего, здесь имеет место случай асфиксии.

– Что это?

– Удушье.

Юля сделала шаг вперед, но Осипов её остановил:

– Не надо. Лишние следы здесь не нужны. Давай лучше пойдем во двор и спокойно подождем милицию там.

– Ему уже не поможешь? – с надеждой спросила она, махнув рукой в сторону покойника.

– Нет.

Когда вышли из дома, Юля вздохнула полной грудью свежий воздух и пробормотала:

– Что ты думаешь, это суицид или несчастный случай?

Андрей достал сигарету, не спеша прикурил и долгим взглядом посмотрел на подругу.

– Ты обратила внимание на его позу?

Журналистка задумалась.

– В принципе, кроме открытых глаз ничего странного нет. Так многие люди спят, на спине с открытым ртом, – она несколько секунд помолчала, – кожа на руке была синеватая. Да?

– Верно, – Осипов кивнул, – так вот, посинение кожи на конечностях называется «цианоз». Он появляется в том случае, если артериальная кровь в течение какого-то времени не насыщается кислородом. Проще говоря, возника-

ет кислородное голодание, вследствие чего наступает асфиксия.

– А почему ему не стало хватать воздуха?

– В криминалистике такое положение тела, как у твоего дяди, характерно для убийства, совершенного при удушении подушкой.

– Убийства? – Юля часто заморгала и всхлипнула.

– Да, – махнул головой Андрей, – его правая рука свисает с кровати, потому что когда человека душат, он спонтанно хватается за все руками, а полуоткрытый рот легко объяснить тем, что удушаемый подушкой человек напряжённо пытается хватать ртом недостающий воздух. Поэтому он после смерти остается полуоткрытым, а голова покойника, когда с неё снимают подушку, бессильно падает набок.

– Боже мой, – прошептала молодая женщина, – кому же понадобилось убивать дядю Ваню? Ты знаешь, какой он был добрый и простодушный человек! – по её щекам покатались слезы, – даже мама называла его «простодыра». Андрюша, ты уверен, что его задушили?

– Практически, да. Но послушаем сначала медэкспертов, а потом узнаем, что покажет вскрытие.

Неожиданно в сумочке зазвенел сотовый телефон, и Юля, глянув на экран, спросила:

– Пока не будем говорить маме? Это она звонит.

– Как хочешь, – пожал плечами Осипов, – она все равно узнает в ближайшее время. Нет смысла от неё это скрывать.

– Но не по телефону, – журналистка приложила к уху трубку, – что случилось, мама?

– Это у вас что случилось, – назидательно проговорила Людмила Алексеевна, – все родственники спрашивают про вас, а вы исчезли. Ивана уговариваете, что ли? Возвращайтесь немедленно в шатер!

– Ты только не волнуйся, – произнесла тихо дочь.

– Вот что, дай-ка трубку моему брательнику, – тоном, не требующим возражений, произнесла Людмила.

Юля растерянно посмотрела на Андрея и, приняв решение, сказала матери скороговоркой:

– Дядя Ваня умер!

Молчание длилось минуту, которая Юле показалась вечностью.

– Я сейчас приду. Вы где? В доме у Галины? – упавшим голосом проговорила мать.

– Дай-ка, – Андрей протянул руку и взял у Юли телефон, – Людмила Алексеевна, вы оставайтесь на месте и, пожалуйста, никому об этом не говорите. Я вызвал скорую и милицию. Когда все разъяснится, мы вам позвоним.

– А зачем милицию? – вдруг спросила та.

– Так положено, – твердо ответил Осипов, – я вам сочувствую, поверьте. Но пока не будут соблюдены все формальности, оставайтесь там.

– Хорошо, Андрей. Тебе виднее, – Людмила Алексеевна вздохнула, – буду ждать звонка.

Через широкие щели в деревянном заборе, они увидели, что к калитке лихо подъехал милицейский «УАЗик». Дверцы одновременно распахнулись, и двое мужчин в форме, войдя в ворота, уверенно зашагали по утоптанной узкой тропинке во дворе.

– Ну что у вас тут за карамболь? – важно спросил лейтенант у Андрея после приветствия.

– На первый взгляд удушение, – спокойно ответил тот, – да вы сами идите и посмотрите, – он махнул рукой в сторону дома.

– А вы у нас – врач или медэксперт? – высокомерно проговорил все тот же лейтенант и усмехнулся.

– Нет, я у вас – майор Уголовного розыска Осипов, – усмехнулся Андрей и достал из кармана удостоверение.

Он подчеркнуто вежливо протянул его младшему по званию офицеру и добавил вполне серьезно:

– Просто по долгу службы уже приходилось сталкиваться с такими случаями.

Тот лишь мельком глянул на документ и миролюбиво улыбнулся:

– Ну тогда пойдёмте смотреть, товарищ майор! – он протянул руку. – Лейтенант Антипов!

Андрей жестом показал Юле оставаться во дворе, а сам с коллегами направился в дом. Были они там недолго. Милиционеры вышли, держа фуражки в руках, на ходу вытирая пот со лба.

– Вот дела, – проговорил один из них, пожилой мужчина плотного телосложения, – а вы, значит, родственница убитого? – посмотрев на Симонову, сказал он, доставая из планшета лист бумаги.

– Племянница, – кивнула та.

– Мне командир поручил у вас свидетельские показания взять, а еще, – он почесал затылок, – спросить: у вас какой-нибудь документик, удостоверяющий личность, имеется?

– Да, пожалуйста, – Юля открыла свою сумочку и, достав паспорт, подала милиционеру.

– Присесть бы где-нибудь, – мужчина огляделся по сторонам, – чтобы писать было удобно.

– А вот там, у баньки, лавочка стоит, – журналистка махнула рукой и оглянулась на непонятный шум со стороны улицы.

За забором уже собирался народ. Вокруг милицейской машины крутились деревенские мальчишки.

– И гуся на свадьбу тащат, да во щи! – раздался голос местного сумасшедшего. – Беда-беда не приходит одна!

Ответив на вопросы сержанта Кубарева, так он представился, Юля подошла к Андрею.

– Ну как продвигаются дела? – тихо спросила она у любимого.

– Сейчас сержант найдет понятых, и мы проведем осмотр места преступления.

– Это надолго?

– Как получится. Но я хочу помочь в расследовании убийства. У этих, – он незаметно кивнул на местных милиционеров, – сразу видно: опыта никакого. Если бы не мы обнаружили тело, то они точно, списали бы на сердечный приступ. И дело с концом. Уж очень этот лейтенант Антипов козыряет браво, – Осипов усмехнулся.

– Ну и что?

– Такие, как он, обычно любят докладывать начальству о результатах! – Андрей вздохнул, – А расследование проводят спустя рукава. Для «галочки».

– Так мы собирались к вечеру домой поехать, – растерянно отозвалась Юля, – у меня завтра съемка.

– Поедем-поедем, ты не переживай! Но часа три у меня есть, вот я и поработаю, хорошо?

– Спасибо тебе, родной, – она вздохнула и добавила, – до меня никак не дойдет весь смысл трагедии. Я, пожалуй, пойду к тете Нюсе.

– На свадьбу?

– Ну что ты! В дом. Побуду одна, подумаю.

Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент с шумом распахнулась калитка, и во двор командирским шагом вошла Галина.

– Посторонним сюда нельзя! – ей навстречу кинулся лейтенант.

– Это кто посторонний? Я что ли? – дочь тети Нюси суро-

во посмотрела на милиционера. – Я здесь хозяйка!

– Ага, – поправив форменную фуражку, обрадовался офицер, – вы-то нам и нужны! Пройдемте, гражданочка, в дом!

– Нет, я туда не пойду, – замахала головой женщина, – я мертвых боюсь с самого детства!

Она развернулась и увидела свою родственницу.

– Юлька, а ты там была? – поинтересовалась она.

– Была, – со скорбным видом ответила та.

– Видела Ивана?

– Видела.

– Он, говорят, повесился?

– Нет, что ты, – покачала головой Юля, – он просто лежит на кровати. Не бойся, иди с ними, – кивнула она в сторону милиционеров, которые нетерпеливо перетаптывались у входа в дом, ожидая хозяйку.

Галина вздохнула, сдвинула брови у переносицы и, видимо, что-то решив для себя, уверенно двинулась к служителям закона.

Не успела Юля выйти за калитку, как к воротам подъехала еще одна служебная машина. Оттуда вылезли два санитара с носилками и быстрым шагом направились к дому. Журналистка, не оглядываясь, поспешила прочь. Какая-то пожилая женщина попыталась у нее что-то разузнать, но она отрицательно помахала головой и прошла, не останавливаясь, мимо.

Юля с детства знала, куда прячет ключ от дома тетя Нюся: под крыльцо. Наверное, этот «секрет» знало все село, однако десятилетиями он там лежал, и никто, кроме хозяев, его никогда не брал. Юлия открыла скрипучую дверь и сразу улеглась на диван. В доме было удивительно тихо, а из-за закрытых ставен, темно. Только настенные часы с боем напоминали, что время идет. Молодая женщина закрыла глаза. Неожиданно всплыли картины далекого детства, когда она приезжала в Залиманское на летние каникулы. И коленки в садах, и прилипшие колючки на платье, и облупленный нос, и горячий песок под ногами – всё это было, будто вчера. И тетя Нюся, стоящая на берегу с хворостинкой в руках, выкрикивающая по именам свою дочь и её, городскую «птаху», так она её когда-то называла в шутку. А потом вспомнился летний вечер, и она, четырехлетняя девочка, идущая с букетиком полевых цветов к дому своей бабушки. А у соседского забора стоял дядя Иван, еще совсем молодой, со своей невестой Александрой. Он улыбнулся и крикнул:

– Эй, племянница, подари тете Шуре цветочек!

Сейчас Юле ужасно стыдно за тот поступок. Ну что на неё нашло тогда? Жадной она никогда не была. Однако в тот вечер она смело показала скрученную фигу и дяде Ване, и его невесте. А потом важно прошла мимо онемевшей от удивления влюбленной парочки. Наверное, мамин брат пожаловался бабушке, потому что та впервые поставила внучку в угол.

И еще пригрозила:

– В следующий раз, милая моя, если такое выкинешь, будешь стоять коленками на горохе!

Интересно, помнил ли тот курьезный случай дядя Ваня? А ещё он учил её кататься на двухколесном велосипеде. Юля отчаянно крутила педали соседского «Орленка», а Иван, придерживая сиденье, бежал рядом, страхуя маленькую племянницу. А какие качели он ей соорудил во дворе? Как жаль, что они так и не поговорили в спокойной обстановке. Он даже не успел ничего рассказать о себе, кроме того, что...

Юля даже подскочила от этой мысли. Она быстро достала из сумочки сотовый и позвонила Осипову.

– Дядя Ваня сказал мне вчера, что недавно купил мобильный телефон такой же, как у меня, – выпалила она информацию Андрею, – а вы уже провели в доме обыск?

– Мы сейчас работаем, но телефона нет, – растерянно проговорил тот, – я лично все здесь тщательно осмотрел.

– А деньги нашли? – опять поинтересовалась она. – Он говорил, что собирается дом покупать, это значит, что при нем должна быть солидная сумма! Или сберкнижка...

– Я потом тебе все расскажу, – он кашлянул, – я же здесь не один.

«В самом деле, – подумала журналистка, – во время осмотра майор уголовного розыска кому-то докладывает по телефону о находках. Это, по меньшей мере, некоррект-

но».

Попрощавшись с любимым, Юля услышала разговор во дворе. Через минуту открылась дверь и в комнату вбежала Марта.

– Мамочка, ты переживаешь? – в голосе дочери было столько сочувствия, что Юлия обняла девочку, прижав к себе.

– Да, милая. Мне очень жалко дядю Ваню, – прошептала она.

– А бабуля плакала, – тихо сообщила дочь.

– Конечно, он же ее брат. Они вместе росли...

Послышались шаги по ступенькам, и в дом вошли тетя Нюся и Людмила Алексеевна. Лица у обеих были заплаканные.

– Вот беда, – вздохнула хозяйка, садясь на край дивана, – мужик был совсем молодой...

– Юля, правду говорят, что его убили? – спросила мама, опускаясь в кресло с деревянными подлокотниками.

– Да, – кивнула молодая женщина, – Андрей считает, что смерть наступила от удушения.

– Господи, может, он пьяный как-то сам неловко лег и задохнулся? – всплеснула руками старушка.

– Нет, Андрюша сказал, что его задушили подушкой, – покачала головой Юля, – все признаки указывают на насильственную смерть.

– Господи, – покачала головой Анна Васильевна, – у нас

в селе отродясь убийств никаких не было.

– Я одно не пойму, кому мог помешать Ваня? – опять всхлипнула Людмила. – Он же мухи не обидел за всю свою жизнь!

– Да, Люсенька, правильно говоришь, – согласилась «няня», – такой был незлобный. Да и откуда у него враги в Залиманском? Он всего неделю, как сюда вернулся.

– Теть Нюсь, – встрепенулась журналистка, – а вы не знаете, он с кем-нибудь встречался после приезда? Может, из старых друзей или родственников кто его спрашивал?

– Нет, Люляш, не скажу, – она ненадолго задумалась, – помню только, приехал он из города сюда на машине. Шофер ему помог вытащить из багажника чемодан и сумки, – она посмотрела в сторону улицы, прищурившись, – а он постучал мне в окно и крикнул: «Нюся, принимай гостей!» Да-да, обед был как раз, и я его позвала на кухню.

– А машина уехала сразу? – спросила Юля.

– Ну да. А чего ему тут делать у нас в Залиманском? Шофер же из города, – пожала плечами тетушка.

– Значит, дядя Ваня водителя не знал?

– А то! Просто «шабашника» нанял на вокзале.

– А вы откуда знаете?

– Да он мне сам об этом сказал, – разведя руки в разные стороны, пробормотала тетушка.

– А потом?

– Пообедали мы с ним, – начала вспоминать она и тут же

спохватилась, – а, так он же гостинцы привез! Цельный пакет всякой всячины: конфеты, печенье, колбаса... Я еще посмеялась, говорю: «Ванька, у нас что, еды в Залиманском нет? Пёр из города столько всего!» А он так уважительно ответил: «Анна Васильевна, это я из самой Москвы привез для вас».

Тетя Нюся опять покачала головой и всхлипнула, пробормотав:

– Кто ж знал, что так все обернется...

– А ночевал он у вас? – пытаюсь воссоздать хронологию событий, спросила Юля.

– Первую ночь у меня, да, – подтвердила старушка, – а потом Галина зашла сюда, да и предложила ему пожить в их старом доме. Говорит: «Все равно он пустует, живи, сколько хочешь!»

– Няня, а почему он к нам не зашел, а сразу в Залиманское поехал? Он раньше всегда сначала у меня гостил, а потом уж к вам, – аккуратно вытирая слезы, проговорила Людмила.

– А это ты бы лучше у моей Галины спросила. Ваня ей сказал, что ты в прошлый приезд его отчитала: «Когда ты, брательник, станешь солидным? Уже за пятьдесят, а ты все по общежитиям болтаешься, как студент!» Было такое? – погрозив пальцем племяннице, спросила старушка.

– Да, я его учила, как всегда, – покачала головой Людмила Алексеевна и посмотрела на дочь, – правильно меня Юля ругает... Неистребимая тяга к воспитанию.

– Так он и хотел купить дом, отремонтировать и обста-

вить, а потом тебя пригласить в гости. Он, знаешь, как тебя, Люся, уважал? – Анна Васильевна поджала подбородок. – Думал, ты им будешь гордиться!

– Бедный братишка, – Людмила в отчаянии закрыла лицо руками.

– А чем дядя Ваня занимался в Залиманском целую неделю? – продолжила спрашивать Юля.

– Да я ж за ним не следила, милая, – опять развела свои натруженные руки хозяйка, – знаю, что он на кладбище ходил, могилки подправил своей матери и бабке Марии. Говорил, что оградки покрасил, – она замолчала, по-видимому, вспоминая.

– А дедушка Ваня сумасшедшего дядю с рулем знал? – вдруг тихо спросила Марта.

Все женщины одновременно посмотрели на девочку.

– А как же? – грустно улыбнулась Людмила Алексеевна. – Мы же все жили на одной улице.

– А почему тебя это интересует, доченька? – проговорила Юля.

– Потому что, – Марта закатила глаза к потолку, – когда я выходила из шатра во время свадьбы, это дурачок, это не я, это его так мальчишки называли, – оправдалась тут же она, посмотрев на свою строгую бабушку, – громко крикнул: «Иван-Иван поехал далеко за длинным рубликом, а получил только дырку от бублика!»

– Ты думаешь, это он про нашего дядю Ваню сказал? –

после недолгого молчания, произнесла Юлия.

– Конечно, про него! Он даже пальцем на него показал, – уверенно подтвердила девочка.

– Интересно, как вы думаете, почему он так про Ивана сказал? – Людмила посмотрела по очереди на всех.

– Да мало ли чего там выкрикивает этот Павлуша! – тетя Нюся недоверчиво сморщилась.

– Ну эти слова не лишены смысла, – Людмила вздохнула и уточнила, – когда Ваня первый раз на Север отправился, в селе многие так говорили, имея в виду хорошие заработки: «Поехал за длинным рублем!»

– Тогда почему Павлуша крикнул про дырку от бублика? – в раздумье проговорила Юля.

– Мне тоже это интересно, – согласилась Людмила Алексеевна, – возможно, он имел в виду покосившийся дом, в котором жил последнюю неделю Ваня?

– А ты у него сама и спроси, что он там имел в виду! – усмехнулась тетя Нюся, посмотрев на племянницу.

– Думаешь, он будет со мной разговаривать? – женщина пожала плечами. – Он меня и не помнит.

– Помнит! Тебя Павлуша очень даже помнит! – старушка медленно поднялась с дивана. – Он помнит даже, как ты с ним во втором классе занималась по арифметике! – она поправила на голове платок.

– Неужели? – женщина от удивления даже брови подняла. – А ты откуда, няня, знаешь?

– Он как-то расплачивался в сельмаге, а продавщица дай, да похвали его, что он считает хорошо. Тут Павлуша и выдал свою прибаутку о доброй соседке Люсе! – она улыбнулась и махнула рукой. – Пойду я, девчата, чайник поставлю. Хватит тут расслаживаться!

После того, как за хозяйкой захлопнулась дверь, Юля посмотрела на мать и предложила:

– Мама, давай ты попробуешь расспросить Павлушу. Ты же хочешь найти убийцу своего брата?

– Я попробую, – согласилась она, – только надо подумать, как его расположить к себе.

3. Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь

Людмила Алексеевна сосредоточенно посмотрела на дочь, потом решительно нажала на металлическую ручку калитки и распахнула её. К удивлению обеих женщин перед ними оказался ухоженный двор с клумбами неброских цветов. Чувствовалось, что хозяин заботливо относится к своему месту обитания: стволы деревьев были побелены и, будто дети в гольфах, красовались за тонкой изгородью.

– Я одна пойду, а ты посиди здесь, – Людмила кивнула на скамейку под домом, – хорошо?

– А он с кем живет?

– Один. Тетя Вера, его мама, умерла лет пять назад...

– Мам, ты звони, если что!

– Да, не волнуйся, дочь! Павлуша не буйный, и меня он не обидит, – она ободряюще подмигнула дочери и услышала скрип двери.

Оглянувшись, Людмила увидела на крыльце хозяина.

– Арифметика – игрушка! Ах, какая Люся – душка! Ах, какой счастливый час, когда Люсенька у нас! – бойко сказал он.

– Здравствуй, Павлуша! – смущенно пробормотала бывшая соседка и попыталась улыбнуться.

Мужчина молчал, с интересом разглядывая гостью.

– Я хотела с тобой поговорить о моем брате Иване, – она по-прежнему стояла у ворот, не решаясь подойти к крыльцу.

Хозяин опять ничего не ответил, и Людмила сделала несколько шагов к нему навстречу. Вздохнув, она печально произнесла:

– Его убили сегодня ночью. Можно у тебя кое-что спросить?

К её удивлению Павлуша, не двинувшись с места, спокойно проговорил:

– Попытка – не пытка, а спрос – не беда!

– Не видел ли ты кого-нибудь подозрительного рядом с домом Галины, в котором остановился Иван после приезда? А, может быть, он ходил к кому-нибудь в гости здесь в Залиманском? А? – Людмила с надеждой посмотрела на хозяина.

Тот пожал плечами и после недолгой паузы произнес:

– Вчера не догонишь, а от завтра – не уйдешь!

Потом, он как-то странно усмехнулся и, неожиданно повернувшись к гостье спиной, быстро вошел в дом. Когда Людмила услышала, что лязгнули дверные запоры, она поняла, что аудиенция закончена. Она устало открыла калитку и вышла на улицу.

– Ты все слышала? – спросила она у дочери.

– Да, – разочарованно кивнула она, – не густо!

– Но, знаешь, что интересно, – проговорила Людмила Алексеевна, уже идя обратно к дому своей няни, – он не по-

казался мне ненормальным. Взгляд не бегающий и ускользающий, а вполне осмысленный. Единственное, что отличает Павлушу от других людей, это то, что он изъясняется поговорками.

– Может, он никакой и не сумасшедший? – Юля даже остановилась от этой невероятной догадки. – Я заметила, во дворе у него порядок, несмотря на то, что живет он один.

– Возможно, – покачала головой женщина, – мне интересно, почему он мне ничего не сказал, – она опять задумалась.

Когда они вернулись в дом родственницы, в летней кухне вместе с хозяйкой сидели Андрей и Галина. Они пили чай и мирно разговаривали.

– Андрюша, расскажи, что показал обыск? – с порога поинтересовалась журналистка.

– Да ничего особенного, – Осипов обвел всех взглядом, – денег и сберкнижки не обнаружили. По словам Галины, – он кивнул на дочь Анны Васильевны, – Иван Харитонович носил на безымянном пальце золотой перстень с матовым черным камнем, скорее всего, топазом. Его тоже нет.

– И я его видела у него, – сказала тетя Нюся и тут же спросила, – а чемодан и сумка с вещами на месте?

Андрей кивнул.

– Да. А результаты экспертизы и вскрытия будут не раньше вторника, – он невесело усмехнулся, – лейтенант из местной опергруппы пообещал поторопить районных экспертов. Так что, девушки, – Осипов подмигнул Марте, – мы можем

смело возвращаться домой.

– А предположения какие-нибудь есть? – Людмила посмотрела на Осипова. – Андрей, ты от меня ничего не скрывай, пожалуйста, – она поспешно достала из сумки носовой платок и вытерла слезы.

– К сожалению, предположения пока строить рано. Но, если вас это хоть немного успокоит, то скажу, что, скорее всего, ваш брат из-за воздействия алкоголя не сильно мучился перед смертью. Скорее всего, даже не понял ничего.

– А рука? Ты сам сказал, – начала Юля.

– Это естественная реакция, – ответил сыщик, – мне тут Анна Васильевна сказала, что вы к Павлуше ходили. Ну что, ваш визит что-нибудь дал? – он посмотрел на Людмилу и Юлию.

– Мы многого и не ждали от этой встречи, – произнесла печально директор школы и передала короткий разговор с бывшим соседом.

– Так-так, – задумчиво проговорил Осипов.

– Но у меня осталось ощущение, что он что-то скрывает. Будто, не хочет мне врать, поэтому так поспешно ушел в дом, – добавила Людмила и всхлипнула, – ох, как тяжело на сердце! Бедный Ваня...

– Люся, – Галина встала и обняла городскую родственницу, – ты не волнуйся! Как только Ивана привезут в село, я тебе позвоню и тут со всеми службами договорюсь, – она вздохнула, – место на кладбище и поминки, все организуем!

– Галина, спасибо! – Людмила Алексеевна поцеловала свою двоюродную сестру в щеку. – Скоро увидимся.

Уезжали из Залиманского вечером. Солнце медленно садилось за горизонт, лаская теплыми прощальными лучами деревья и шиферные крыши домов. Его оранжевый диск подкрасил облака в целый спектр оттенков: от нежно-розового до приглушенно-фиолетового. Отблески заката так ярко отражались на окнах сельских домов, что, казалось, будто внутри пылает огонь и вот-вот вырвется наружу. Тетя Нюся и Галина долго махали гостям, пока автомобиль не скрылся из вида. Марта решила поехать к бабушке, поэтому Андрей и Юля сначала завезли, а потом отправились домой вдвоем. Журналистка с нетерпением ждала этого момента, чтобы расспросить любимого о ходе следствия. По опыту она знала, Осипов не любил делать поспешных выводов во время расследования. Однако, интуиция ей подсказывала, что он не случайно задержался в доме, где произошло убийство. Скорее всего, Андрей что-то нашел, но не захотел делиться информацией с женщинами, уж слишком быстро она сможет разойтись по всему селу. Юля надеялась, что мужчина сам изложит ей свои соображения относительно этого дела. Она терпеливо ждала весь вечер, но когда улеглись в постель, не выдержала.

– Ты мне так ничего и не расскажешь? – строгим тоном спросила она и сделала недовольную гримасу.

– Расскажу, – Осипов улыбнулся и погладил её по руке, –

обязательно расскажу, – и добавил, – во вторник.

– Во вторник? – от возмущения, у Юли, казалось, перехватило дыхание. – Ты хочешь сказать, через два дня?

– Ну да, – ответил мужчина, оставаясь невозмутимым, – когда мы узнаем результаты экспертизы.

– Меня твое недоверие обижает, честное слово! Ты же знаешь, что моя интуиция и логика не раз помогали раскрыть преступление, – она осуждающе посмотрела на любимого, – а здесь рядовой эпизод. Убит мой дядя!

– В таком случае, я могу сказать то же самое, и меня обижает твое недоверие. Более того, ты прекрасно знаешь, что я не могу опираться в своих выводах на непроверенные данные.

– А мне не нужны твои выводы, – Юля даже привстала и нетерпеливо добавила, – ты только скажи, что нашел в доме?

– Боже мой, мы знакомы полтора года, а ты меня так легко вычисляешь, – он с усмешкой покачал головой, – значит, по моему поведению ты решила, что я что-то нашел?

Почувствовав в голосе Андрея слабинку, Юлия тут же поменяла тактику.

– Не то чтобы по поведению, – она хитро улыбнулась, – ты сыщик от бога! Профессионал с самой, что не на есть, большой буквы! Ты обязательно должен был увидеть то, что не заметили эти местные ищейки!

– После такой высокопарной речи, полной лести и ком-

плиментов, я просто обязан тебе все рассказать, – засмеялся Осипов и обнял Юлю за плечи.

– Итак, – она подперла кулачком подбородок.

– Я обнаружил следы двух человек, – он тут же поднял вверх указательный палец, – но не факт, что это следы убийц, может, к нему просто заходили какие-то знакомые.

– А следы мужские или женские? – Юля посмотрела на мужчину.

– Не знаю, – он усмехнулся, – у одних плоская подошва, напоминающая домашние тапочки. Размер примерно сороковой. Такие штиблеты может надеть и женщина, и мужчина. Другие женские, виден отчетливо широкий каблук. Исходя из опыта, могу предположить, что у хозяйки этих следов широкая ступня и небольшая косолапость.

– Значит, вторые следы принадлежат, скорее всего, молодой даме?

– А если преступник был в чужой обуви?

– Получается, никаких зацепок, – вздохнула Юлия.

– И вот еще что, – он привстал с постели и потянулся к брюкам.

Она с нескрываемым интересом наблюдала за действиями мужчины. Андрей вытащил из кармана сложенную газету и развернул ее. В ней лежал стандартный паспорт сотового телефона.

– Как у меня, – проговорила она.

– Да, – он кивнул, – а это значит, что твой дядя на сва-

дьбе говорил правду. Он, действительно, купил такой телефон, как у тебя, – Осипов полистал страницы, – вот тут есть число и штамп магазина.

– Но сам телефон не нашли?

– Не нашли.

– Значит, его забрали убийцы?

– Не обязательно. Меня насторожило то, что в тумбочке я обнаружил этот документ, – Андрей потряс паспортом в воздухе, – а самого телефона и коробки от него нет!

– Дядя Ваня недавно купил сотовый телефон, и еще не научился им пользоваться, – Юлия задумалась, – поэтому, он вытащил из упаковки паспорт и решил почитать. А мобильник оставался в коробке. Иначе, – она обрадовалась от пришедшей ей на ум мысли, – на свадьбе он был бы с телефоном!

– Разумно, – кивнул сыщик.

Ободренная такой лестной похвалой, молодая женщина продолжила активно строить догадки.

– В Залиманском вряд ли есть магазин, продающий сотовые. Это значит, что дядя Ваня купил телефон в Москве или в нашем городе, когда прилетел. А какой в паспорте написан адрес?

– Небольшой специализированный магазин, – Андрей прищурился, рассматривая мелкие буквы, – улица Островского, одиннадцать. Это недалеко от нашего аэропорта. Всё логично. С тяжелыми сумками и чемоданом Ивану Харитоновичу было бы неудобно ходить по торговым точкам,

и, наверное, он попросил водителя остановиться по пути на несколько минут для того, чтобы сделать это приобретение, – подытожил Осипов.

– Из этого следует, что тот самый водитель, который привез его в Залиманское, знал о покупке. Более того, они ехали шестьдесят километров, и за это время наш дядя Иван по простоте душевной мог рассказать тому мужику, что едет он с Севера и собирается покупать дом...

– Я завтра с утра займусь поисками этого водилы, – задумчиво проговорил Андрей, – хорошо, что ваша тетя Нюся такая наблюдательная: и машину мне описала, и «шабашника».

– Да, мужика этого необходимо найти. Но мне кажется, что он вряд ли пошел на преступление, – Юля пожала плечами, – он выходил из машины перед домом тети Нюси, вытаскивая багаж. Никакой конспирации, если он задумал убить и обворовать своего клиента.

– Он мог быть элементарным наводчиком, – возразил Осипов.

– Пожалуй, – усмехнулась Юля и спросила, – что еще у тебя там? – заглядывая в газету.

– А это – на десерт, – и мужчина весело помахал пожелтевшим кусочком бумаги перед её носом.

– Дай посмотреть! – нетерпеливо потянулась она к бумажному треугольнику с выцветшими чернильными буквами.

– Люляшка, аккуратнее, – он положил ей на ладонь наход-

ку, – этому письму шестьдесят лет!

Молодая женщина с трепетом развернула листочек, изрядно потертый на сгибах. За долгие годы бумага пожелтела и высохла, а чернила поблекли. Но текст читался, и Юля по слогам проговорила:

– Моя дорогая женушка Татьяна! Я жив-здоров, чего и тебе желаю.

Далее шли короткие описания землянки и боевых товарищей, а потом – слова о любви. И подпись: лейтенант Красной Армии Тимофей Дробахин. Юля вздохнула и посмотрела на Андрея.

– Это письмо с фронта?

Мужчина кивнул.

– Знаешь, от этого незамысловатого послания веет такой верой и такой силой, – журналистка покачала головой, – будто в каждой строчке – дыхание войны! Я так себе явно представила земляной окоп и алюминиевую миску с кашей, про которые написал этот, – она посмотрела еще раз на подпись, – Тимофей. А сколько нежности у него к своей жене, такой трогательной заботы!

– Я согласен, – Осипов взял из ее рук фронтовое письмо и бережно положил на тумбочку, – а теперь подумай и скажи, кто такие Татьяна и Тимофей Дробахины? И какое отношение они имеют к твоему дяде?

– Не знаю, – после минуты раздумья, проговорила Юля, – я такую фамилию и не слышала в Залиманском. Может быть,

дядя Ваня нашел это письмо? Или оно осталось от Гали?

– Если оно случайное, то почему твой дядя его хранил у себя в паспорте? – мужчина внимательно посмотрел на подругу.

– Я поняла. Надо расспросить маму и тетю Нюсю!

– Когда поедем в Залиманское, ты поговоришь с нашей доброй хозяйкой, Анной Васильевной. Но надо это сделать деликатно, – начал советовать Осипов, – кстати, сколько ей было лет, когда началась война?

– Примерно, лет десять или одиннадцать.

– Значит, она должна помнить своих земляков с такой фамилией. Как думаешь, любимая?

– Наверное. А когда мы туда поедем?

– Как придут данные экспертизы.

– Андрей, а ты помнишь, что дядя Ваня нам с тобой на свадьбе сказал?

– Что нашлась какая-то пропажа, – мужчина вздохнул и добавил, – я об этих его словах уже думал.

– Он сказал, что зашел к какому-то знакомому и там обнаружил пропажу! – поправила его Юля. – Давнюю!

– Да, точно, – Андрей поцеловал любимую, – а теперь – спать!

Поднимаясь по ступенькам на телестудию, Юля посмотрела в распахнутые окна коридора, служившего курилкой, и улыбнулась. Ее команда была в сборе: оператор Виктор

Николаев, как обычно активно жестикулирующий во время разговора, режиссер Димка Матвиевский, вечно перебивающий долгие монологи, и «звукач» Игорь Воронцов – добрый и ворчливый. И на душе сразу стало спокойно и радостно. Спокойно оттого, что у неё была, действительно, своя команда, а на телевидении это очень важно. Ни одна идея не осуществится в полной мере, если тебя не поддержат товарищи, не почувствуют то, что ты хочешь сказать своей передачей или сюжетом. Какой бы гениальный не написал журналист текст, если оператор снимет посредственно, музыка не будет соответствовать настроению, а монтаж сделан «спустя рукава», результат получится совсем не такой, какой был задуман. А радостно Юле было, потому что у нее – не просто команда профессионалов, это были настоящие друзья. И в этом она убедилась уже неоднократно. Юля справедливо считала, что ей повезло с творческой группой.

– Наш счастливый автор пришел! – хлопнул в ладоши Виктор, увидев, открывавшую входную дверь, сотрудницу.

– Ты, кумушка, опаздываешь, – Димка шутливо постучал по циферблату ручных часов.

– У меня выезд еще через час, – после приветствия весело ответила журналистка, посмотрев на режиссера.

– Нет, Юлия Сергеевна, – оператор иронично покачал головой, – съемка перенеслась, и выезд через... – он достал мобильник и глянул на экран, – пять минут.

– А почему же меня не предупредили? – расстроено спро-

сила она.

– Ларочка тебе звонила, – пожал плечами Воронцов, – это я точно знаю.

Юля стремительно достала из сумочки телефон и ахнула.

– Действительно, три пропущенных...

– Ничего, коллега, я уже все собрал, – Николаев улыбнулся, – можем сразу спускаться в машину.

– А кассета? – журналистка с надеждой глянула на оператора.

– Все там, – он показал указательным пальцем вниз.

По дороге Виктор рассказал о предстоящей съемке, потом дал рекламный альбом салона красоты, который он запланировал снять в конце недели.

– Напиши «заздравный» текст об их услугах, – он улыбнулся, – и, пожалуйста, побольше эпитетов.

Юля кивнула.

– А сколько платят?

– Тебе – двойной гонорар, – подмигнул Николаев.

– Почему? – поинтересовалась журналистка, довольная этой новостью.

– Ты напишешь текст, озвучишь и сыграешь роль дамочки, которую мы снимем в главной роли, – усмехнулся он, – так что приготовься. Все педикюры-маникюры, маски и прически будем снимать на тебе!

– Ты же говорил, что заказчик хочет девушку модельной внешности? – развела в нерешительности руки собеседница.

– Переиграли, – усмехнулся оператор, – говорят, что им нужна молодая красивая женщина от тридцати до сорока лет. Это их контингент! Мы с ребятами посоветовались и решили, что ты будешь «лицом» этого салона красоты!

– Надо же, – покачала головой Юля.

– Если бы ты была на обсуждении, мы бы с тобой, конечно, посоветовались, – вновь с иронией проговорил собеседник, – но ты у нас человек занятой, у тебя то преступления и расследования, то свидания и свадьбы. Кстати, как в выходные повеселилась?

– Свадьба была испорчена, – вздохнула журналистка, – представляешь, вчера моего дядю убили.

– Нет, только не это! Юля, скажи, что ты пошутила?

– Увы, – махнула рукой сотрудница.

– Сочувствую, – Виктор явно расстроился и после небольшой паузы спросил, – и при загадочных обстоятельствах. Так?

– Так.

– И опять работа побоку, а ты вся уйдешь в расследование?

– Я буду совмещать, – виновато проговорила она.

– Так я тебе и поверил, – дружелюбно усмехнулся Виктор.

– А хочешь, мы вместе будем искать убийцу? – неожиданно предложила журналистка.

– У тебя для этих целей есть майор уголовного розыска, – неуверенно пожал плечами оператор, – он же профессионал!

– Витя, – Юля наклонилась к собеседнику, – у любителей тоже неплохо получается, – она подмигнула, – соглашайся!

– Считай, что уговорила, – он засмеялся, – только рекламу для салона надо снять обязательно на этой неделе, иначе – упустим клиента! А он – толстосум и вдобавок собирается баллотироваться в депутаты!

– Снимем! – улыбнулась она, схватив потертый кофр. – Приехали!

4. Был бы конь, а уздечка найдется

Галина позвонила только во вторник и сообщила, что Ивана никто не собирается везти в Залиманское.

– Сказали: «Приезжайте сами за своим родственником», – сообщила она и вздохнула, – так что, я завтра с утра рвану в районный морг!

– Галя, я поеду с тобой, – тут же предложила Людмила Алексеевна, – вдруг какая помощь нужна?

– Люся, ну какая от тебя помощь в морге? – проговорила печально двоюродная сестра. – Да и не одна я там буду, мы с Геннадием поедем, а вы с Юлей приезжайте завтра к вечеру к нам в Залиманское. Думаю, Иван переночует в моем доме, а в четверг будем его хоронить. Чтобы все успели попрощаться. Так положено.

– Да, Галочка. Спасибо тебе, родная, – всхлипнула Людмила.

– Погоди благодарить. Еще дело не сделано, – по-деловому ответила та, – мы же родня!

Юля готовилась к вечернему эфиру, когда Андрей заглянул в редакторскую и помахал ей рукой.

– Выйди, – поняла она по артикуляции губ и жесту.

– А почему ты не зашел к нам в кабинет? – спросила она, еле поспевая за Осиповым по коридору.

– Времени нет, – устало проговорил он и сразу перешел

к делу, – пришли результаты экспертизы и вскрытия.

Юля остановилась и глянула на мужчину.

– Говори, – прошептала она.

– Как я и предполагал, смерть наступила примерно в пять или шесть утра от удушения, – он замолчал на секунду и добавил, – но у Ивана Харитоновича обнаружен цирроз печени, причем, в запущенном виде. Так что, он долго бы не прожил. Вот такие новости.

– О, господи, – покачала головой журналистка.

– Завтра едешь к родственникам?

– Еду, а ты?

– А я вот не смогу, – Андрей наклонил голову на бок и виновато посмотрел на подругу, – у нас важное дело в Октябрьском районе. Там тоже убийство. Выезжаем сейчас с Веней Колесниковым, а вернемся, скорее всего, только завтра. Поэтому, – он растерянно развел руки в разные стороны, – как освобожусь, сразу приеду в Залиманское. Ты прости, что вас не подвезу.

– Мы доберемся, не переживай, – она тревожно глянула на любимого мужчину, – ты осторожнее будь!

Осипов поцеловал её в губы и быстрым шагом направился прочь.

Пока парикмахер Рената Ованесова делала Юле причёску, в дверном проеме показался Николаев.

– Я на завтра взял отгул, снимаем салон красоты, – напомнил он коллеге, – у тебя текст готов?

– Витя, текст я написала, но мне надо маму и дочь вечером везти в село. Послезавтра похороны дяди, – она посмотрела на оператора через зеркало и с надеждой спросила, – что будем делать?

– Снимем рекламу, и повезешь, – невозмутимо пожав плечами, ответил тот, – постараемся не затягивать.

– Надо бы заранее узнать расписание рейсовых автобусов.

– Вы разве не на машине? – удивился Виктор.

– Нет, – слегка качнула головой Юля, смущенно глянув на свою стилистку, – прости, Рэна, кручусь и не даю тебе нормально работать.

Девушка улыбнулась и махнула рукой, а Николаев удалился, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На следующий день в салон красоты Юля приехала вовремя, как договорились накануне. Её встретила директор – яркая ухоженная брюнетка в светло-бежевом летнем костюмчике.

– Елена Ильинична, – назвалась она.

Виктор был уже там, он расставлял аппаратуру в центре зала. Димка помогал устанавливать осветительные приборы, параллельно заигрывая с молоденькой сотрудницей салона.

После того, как Юлия тоже представилась, дама предложила всем кофе.

– Ребята, – обратилась она к телевизионщикам, – придется немного подождать Александра Владиславовича. Он решил сам лично проконтролировать съемочный процесс.

Виктор кивнул и перевел взгляд на Юлю.

– Не волнуйся, – успокоил он её, – сделаем всё быстро.

Когда уходит автобус в Залиманское?

– В четыре, – ответила журналистка, – но мне надо еще домой заехать, переодеться и сумку взять.

– Сергеевна, мы тебя через пару часов уже отпустим, – засмеялся Димон, – вот увидишь!

Однако прошел час, а владелец салона так и не появился.

– Может быть, вы ему позвоните, – предложила Юля симпатичной директрисе, – и напомните про нас.

– Нет, он это не любит, – категорично ответила дама.

– Елена Ильинична, – подал голос Николаев, – давайте, чтобы не терять время, я пока начну делать подсьемку?

– А что для этого нужно от меня? – директриса приподняла бровь.

– Собственно, от вас – ничего, – оператор огляделся вокруг, – у нас есть сценарий, подписанный вашим боссом, – он достал из кофра напечатанные листы, – вот, смотрите, в косметологическом кабинете – аппарат для чистки кожи, – он провел пальцем по странице, – и так далее, потом снимем все лицензии и дипломы, которые весят на стене.

– Да, я согласна. Начинайте работать.

Еще через полчаса, наконец, приехал сам заказчик. Он вальяжно прошелся по своим владениям, смерил оценивающим взглядом журналистку, рассмотрел, с видом знатока, всю аппаратуру, заглянул даже в глазок видеокамеры у Вик-

тора. После такого тщательного «осмотра» хозяин кинул через плечо реплику своей подчиненной:

– Елена Ильинична, я буду у себя в кабинете. Принесите мне кофе.

Было уже три часа, когда Юле сделали укладку и макияж для последнего кадра. Она понимала, что на рейсовый автобус она уже опоздает. Поэтому позвонила маме и сказала, что через час будет у них. Но как они будут добираться до села, она пока не знала. Виктор сделал несколько последних дублей и стал проворно сматывать провода.

– Ну я побежала, – журналистка глянула на своих друзей и направилась на выход из салона.

– погоди, – Виктор подошел к ней совсем близко и шепнул, – вместе поедem в твое Залиманское.

– Вместе? – Юля улыбнулась, но тут же нахмурила брови. – А на чем?

– На машине, – он весело подмигнул.

– А разве у тебя есть автомобиль? – ей вдруг стало легко и хорошо оттого, что, кажется, нерешаемая проблема, решена.

– Знакомому позвонил и попросил нас отвезти, – оператор взвалил штатив на плечи и толкнул входную дверь, – пошли. Он уже приехал!

Когда машина остановилась у дома тети Нюси, старушка посмотрела на Виктора, который прикуривал свою трубку, и покачала головой:

– Люляша, у тебя сегодня новый кавалер?

– Это мой сотрудник и хороший друг, – улыбнулась гостя, вдохнув знакомый запах шерсти.

– Ну-ну, – махнула та рукой и пригласила в дом.

Коллеги поблагодарили парня, который их привез, и, попрощавшись с ним, двинулись за хозяйкой. В старом деревянном доме, как всегда, было прохладно. Юля бросила на пол рядом с кроватью свою дорожную сумку и, вернувшись в большую комнату, служившую гостиной, села рядом с мамой и Анной Васильевной.

– У меня к вам вопрос, – журналистка посмотрела на обеих женщин, – вы знаете Дробахиных?

– Я таких что-то не припоминаю, – подумав, ответила тетя Нюся.

– Я тоже, – согласилась Людмила Алексеевна.

– На фронтовом письме, которое обнаружил Андрей в паспорте дяди Вани, написана эта фамилия, – объяснила Юля.

– Так во время войны у нас тут полно было эвакуированных! – развела руки в разные стороны старушка. – А местных с такой фамилией точно нет!

Журналистке пришла в голову догадка.

– Тетя Нюся, а кто работал почтальоном во время войны?

– Нина Степановна! Она лет сорок по Залиманскому с почтальонской сумкой прошагала! Всех знала, – хозяйка улыбнулась воспоминаниям, – душевная была женщина.

– И я её помню, – подтвердила мама, – голос у неё был звонкий! Если телеграмма была с хорошей новостью, она издали начинала извещать адресата! Помню, не доходя до дома, кричит, размахивая бланком: «Антонина, твоя дочка в институт поступила!»

– А где она сейчас? – с надеждой спросила сыщица.

– Так померла, – вздохнула тетя Нюся.

После ужина Людмила Алексеевна повязала черную косынку и пошла в дом Галины, чтобы провести с братом его последнюю ночь. После её ухода Виктор, достав из своей спортивной сумки видеокамеру «Panasonic», предложил Юлии и Марте:

– Девчонки, давайте прогуляемся по селу.

– А камера зачем?

– Хочу снимать местные пейзажи.

Они втроем шли по улице, а местные жители с любопытством посматривали вслед незнакомой компании. Николаев время от времени останавливался и, взвалив аппарат на плечо, сосредоточенно смотрел в глазок видоискателя.

– А, можно я попробую, – кивнув на камеру, попросила девочка.

Виктор молча подал ей свой «Панас», как он ласково называл орудие труда, и показал на кнопку. Марта прищурила глаза и взволнованно прильнула к окошечку камеры. Оператор стал давать ей профессиональные советы по съемке, от-

чего та пришла в восторг. Юля тоже включилась в своеобразную игру: «Найди интересный кадр» и не заметила, как к ним подошла пара.

– Здравствуйте, – проговорила девушка с очаровательными веснушками.

– Добрый вечер! – журналистка не сразу узнала свою родственницу, недавнюю невесту.

Она немного смутилась, потому что не помнила имя жениха, но тут же нашла выход из щекотливой ситуации.

– Познакомьтесь, это Виктор, мой коллега, – сказала она молодоженам.

– Анастасия и Всеволод, – представился парень за обоих, а девушка с улыбкой добавила:

– А по-простому: Настя и Сева. А вы приехали из-за дяди Ивана? – она сразу стала серьезной.

– Да, завтра похороны. А всю эту ночь мама будет у гроба сидеть, – тихо пояснила Юля, – а мы ее морально поддержим.

– Моя мама тоже там будет, – девушка махнула в сторону дома Галины, – и бабушка. Мы их только что проводили.

– Жаль, что я не успел с вашим дядей поближе познакомиться, – вежливо проговорил парень, – говорят, он был хороший человек.

– Сева, он же приходил к нам в гости перед свадьбой! – Анастасия с удивлением посмотрела на мужа.

– Ну, – он махнул рукой, – это не считается. Всего какой-то час поболтали. За это время человека не узнаешь.

– А что он вам рассказывал? – спросила Юля и вздохнула. – Я тоже не успела с ним пообщаться.

– Ой, он так много чего говорил, – сразу оживилась девушка, – и про Север, и про навигацию на реке Яна, какие у них там метели и сугробы почти круглый год...

– А про покупку дома?

– Конечно, он даже предлагал нам купить дома рядом, сказал, что в будущем будет помогать наших детишек нянчить. И деньги...

– Да, а еще он нам показывал фотографии северного сияния, – перебил её Всеволод, – так интересно!

– А что деньги? – Юля в упор посмотрела на парня.

– Обещал, – он обнял свою молодую жену, – обещал помочь деньгами, если нам не будет хватать.

– Это на него похоже, – грустно усмехнулась журналистка, – всем предлагать свою помощь...

– Пи-пиб! – неожиданно раздался уже знакомый голос.

Павлуша «притормозил» рядом с компанией и крикнул:

– Просчитался злодей: враг хитер, а мы хитрей!

Виктор отошел от Марты, которая, не обращая ни на кого внимания, продолжала заниматься видеосъемкой, и спросил:

– Это кто был?

– Местный дурачок, – усмехнувшись, ответил Сеня.

– Я тебе потом про него расскажу, – вздохнула Юля и посмотрела на своего оператора.

Молодожены попрощались и пошли, обнявшись, домой.

– Раньше в каждом селе был свой юродивый, – печально произнес Николаев, когда они остались одни, – я помню в детстве ездил к бабушке в деревню Васильково, так там был парень по имени Дюсембай. Бабушка называла его «блаженным» и не разрешала обижать. Только мы, мальчишки, бегали за ним толпой и дразнили, а потом, убедившись, что разозлили этого дурачка, с диким криком разбегались в разные стороны.

– Своего рода – адреналин, – усмехнулась Юля.

– Да, но если он догонял, то сваливал прямо на землю и очень сильно бил ногами. Все этого боялись, но все равно дразнились...

– Да, дети – жестокие, – философски заметила она, – но наш Павлуша мирный, он никого не бьет, – и журналистка рассказала приятелю грустную историю семьи Вихляевых.

– Думаю, с ним надо поговорить о твоём дяде. Как правило, окружающие на таких людей не обращают внимания, а они везде ходят и многое подмечают, – сделал вывод Виктор.

– Мама пробовала, – Юля пожалала плечами, – ничего не получилось.

– Значит, надо тебе попытаться! – уверенно сказал мужчина и шутливо позвал Марту. – Товарищ стажер, уже стемнело! Завтра продолжим съёмку!

– Вы потом посмотрите, какие я нашла ракурсы, ладно? –

она отдала камеру Виктору.

– Конечно, посмотрю! Более того, – он ей лукаво подмигнул, – выставлю оценку за первый урок!

Когда прошли полпути к дому Анны Васильевны, Юля предложила:

– Я волнуюсь за маму, давайте ее проведем, как она там? – она посмотрела на друга и на дочь.

Во дворе Галины было темно, но у самого дома одиноко светила лампочка, вокруг которой летали невзрачные ночные бабочки. Время от времени они касались тонкими крыльями горячего стекла и тут же падали вниз на землю.

– Вы постоите здесь, – сказала она Марте и Виктору, – а я зайду и позову сюда бабушку, – журналистка посмотрела на дочь, – там тебе делать нечего.

Она аккуратно открыла скрипучую дверь и вошла в уже знакомый коридор. В доме было душно, пахло расплавленным воском и нафталином. Юля заглянула в комнату. Она уже собралась поздороваться с тремя женщинами в черных одеждах, но, увидев в самом центре стоящий на двух табуретках гроб, обитый красной тканью, отшатнулась назад.

– Мам, – позвала она жалобно.

Через минуту в дверном проеме показалась Людмила Алексеевна.

– Ты хочешь посидеть с нами? – удивилась она.

– Нет, – Юля отчаянно замотала головой, – мы просто пришли тебя проведать.

– Понятно. И где моя внучуля?

– С Виктором во дворе. Я сюда её не пустила.

– Ну и правильно. Зачем ребенку это видеть.

Из комнаты раздался женский голос:

– Люся, кто там пришел?

– Это мои, – ответила Людмила Алексеевна.

– Дай-ка, я погляжу, – из комнаты показалась голова пожилой женщины со слезливыми глазами. Из-под черного штапельного платка у нее выбивалась прядка седых волос.

– Юлька, ты что ли? – спросила она, прищурив глаза и придирчиво разглядывая гостью.

– Здрасти, – журналистка посмотрела на старушку.

– Дочь, это Евдокия Васильевна, сестра твоей бабушки Зины и тети Нюси, – грустно улыбнулась Людмила, – ты её помнишь?

– Конечно, – вежливо согласилась Юля, – она же на свадьбе к нам подходила три дня назад!

– Да, не успели свадьбу отыграть, а тут – похороны, – устало пробурчала тетя Дуся.

– Добрый вечер, – журналистка поздоровалась, увидев за спиной Евдокии мать бывшей невесты – Ирину.

– Да какой же он добрый, – ответила та и прошла к входной двери, мимоходом бросив женщинам, – я маленько воздухом подышу.

– Я Иру сразу не узнала в черном платке, – шепнула Юля матери.

Когда журналистка скрылась в темной пасти открытой двери, Виктор огляделся. В глубоких сумерках он увидел подкосившееся строение с торчащей трубой и направился туда, держа Марту за руку. Он усадил девочку на скамейку, а сам достал свою походную трубку из вереска и со знанием дела стал раскуривать. Не успел он насладиться первой затяжкой, как в свете единственной лампочки на пороге показалась упитанная женщина. Она лениво потянулась и, сняв с головы платок, положила его на плечи.

– Это кто там? – вглядываясь в темноту, спросила она.

– Свои, – ответил Виктор.

Она направилась к скамейке, осторожно ступая по заросшему высокой травой двору.

– Вы с Юлькой пришли? – спросила женщина и протянула руку. – Меня зовут Ирина.

– Виктор, – мужчина пожал протянутую ладонь.

– А племянница вроде с другим была на свадьбе, – с иронией проговорила она, пытаясь разглядеть незнакомца в потемках.

– Какая вы наблюдательная, – усмехнулся Николаев.

– Наша Юленька меняет мужиков, как перчатки. Не успела со своим офицериком развестись, глядишь, уже подцепила сразу двоих. И что вы, мужики, в таких находите? – Ирина подбоченилась и громко хмыкнула.

– А вам-то что? – в голосе Виктора появился металл. – Завидно?

– Да, знаешь, как называют у нас таких разбитных в селе? – женщина явно стала распалаться.

– Вы, пожалуйста, аккуратнее в выражениях, – мужчина присел рядом с Мартой, – здесь ребенок!

Ирина сузила глаза и, заметив Марту, резко повернулась и пошла к дому, в дверях которого появились Людмила Алексеевна и Юлия.

– Бабуля, – девочка кинулась к бабушке.

– А тебе, моя милая, уже пора спать, – обняв любимое чадо, проговорила Людмила, – идите к няне, – она посмотрела на Юлю и подошедшего Виктора, – устали, наверное, после работы.

С Волги повеяло свежестью, невдалеке залаяла собака, и тут же, будто отвечая ей, сразу из нескольких дворов послышался разномастный лай: от тонкого и визгливого, до злобного с хрипотцой. После собачьего концерта, продолвшегося не более двух минут, где-то вдалеке подала протяжный голос корова, но её никто не поддержал в хоровом пении. Все разом стихло, кроме стрекотни сверчков. Виктор и Юля шли молча, прислушиваясь к деревенским звукам.

– Мамуль, а что значит слово «разбитная»? – вдруг вспомнив слова родственницы, спросила Марта.

– Значит, бойкая, веселая, – ответила Юля, держа дочь за руку.

На застекленной веранде тетушкиного дома ярко горела лампочка, освещая полдвора и ступеньки. Виктор сел прямо

на них и поднял голову к небу:

– Звезды здесь такие яркие, будто сверкающий купол над головой, – тихо проговорил он, – и совсем не хочется спать.

– Я сейчас уложу Марту и тоже с тобой посижу, – Юля ласково подтолкнула дочь к двери и шепнула ей, – давай иди тихо, чтоб не разбудить тетю Нюсю.

– Расскажи мне свою родословную, – попросил Николаев, когда журналистка вернулась и села рядом на крыльцо, – а то я совсем запутался в твоих многочисленных родственниках.

– А зачем тебе? – удивилась молодая женщина.

– Ты же сама сказала, что я буду тебе помогать в расследовании убийства, – усмехнулся мужчина, – для начала разобраться бы, кто кому кем доводится. Убитый дядя, – он сдвинул брови, – как его?

– Иван Харитонович, – подсказала Юля.

– Он брат отца или матери? Ну давай, – он легонько толкнул ее плечом, – давай, поведай историю своей семьи!

– Начнем издалека, – журналистка откашлялась, – итак, моя прабабушка Мария Алексеевна вышла замуж в тысяча девятьсот четырнадцатом году за есаула Харитона Федоровича Чугунова. Но тут началась первая мировая война. Харитон был мобилизован и ушёл на фронт. Тогда Марии было всего шестнадцать лет. А вернулся прадед только в восемнадцатом году. Потом у них родилось двое детей: Татьяна и Алексей. А когда началась Великая Отечественная война, уже Алексей Харитонович пошел на фронт. Вернулся он по-

сле победы и женился на своей соседке Зинаиде Сукрутовой.
Пока все понятно? – улыбнулась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.